

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Артемовского городского округа
«Централизованная библиотечная система»
Центральная районная библиотека

Областной конкурс
«Неизвестный Урал -2020»

Давно закончилась война...

(интервью с Алексеевой Александрой Яковлевной, свидетелем
военного времени)

Интервьюер:
Корнильцева Елена Александровна,
заведующая отделом комплектования и
обработки литературы
Центральной районной библиотеки

2020 год

Давно закончилась война...

Объявленный конкурс «Неизвестный Урал», посвященный 75-ой годовщине Победы в Великой Отечественной войне, натолкнул на мысль - провести и опубликовать интервью с родным мне человеком, свидетелем военного времени, моей мамой Алексеевой Александрой Яковлевной, уроженкой села Анохинское Ирбитского района Свердловской области.

События Великой Отечественной войны оставили в ее душе глубокий след, который вот уже многие десятилетия с болью отзывается в ее рассказах и воспоминаниях. Ее дневниковые записи начинаются этими строчками:

«Давно закончилась война,
Но след войны еще глубок.
Мы собирали в грустном поле,
чтоб выжить каждый колосок.
И, о счастливом дне мечтая,
Мы приносили их домой,
Ржаная каша некрутая
Казалась лучшей едой».

Очень хочется, чтобы последующие поколения не забывали то, что испытали наши бабушки и дедушки, мамы и папы, прошедшие через годы войны. А кто лучше свидетелей тех страшных событий сможет рассказать нам об этом? Поэтому я решила задать маме несколько вопросов о той поре.

Мама, помнишь ли ты тот день, когда началась война?

22 июня 1941 года колхоз решил провести праздник «День борозды» по окончанию весенних работ в колхозе и дома. Не знаю, где были ребята (сестры и братья), а мы с мамой собирались высадить рассаду табака-самосада для курева. Не у каждого были деньги, чтобы купить махорку и табак. По – быстрому зашел папа и попросил обед. На вопрос мамы: «Куда торопишься?». Папа ответил: «Войну объявила Германия». Мама заревела, и я тоже. Папу вызывали в военкомат, он вернулся поздно, а на завтра уже всех деревенских мужчин отправили на фронт. Провожали всем селом: стар и мал. Впереди шел грузовик, единственный в колхозе, а за ним толпа плачущих

женщин и ревущих детей. Мужчины обещали быстро победить, но ошиблись.

А в какой деревне вы жили к моменту начала войны?

Незадолго до начала войны папу перевели работать счетоводом в деревне Першина. Там и встретили мы войну. Мама осталась одна-одинешенька на чужой стороне с «пятеркой», которую должна была кормить, растить, воспитывать. Днем она работала в колхозе, а ночь оставалась для домашних дел. Она просила нас помогать ей, чтобы не умереть с голоду. Мама сама пережила тяготы безотцовщины. Ее отец был убит в Германскую, когда она была подростком.

Каков был возраст детей в семье?

Соне десять лет, она отвечала за домашние дела. Шестилетний, очень послушный, тихий Толя следил за двухлетней Ниной. Провожал и встречал ее из ясель. Мне, восьмилетней, надо следить за маленьким Вовой, наверное, пяти – шестимесячным, и помогать Соне. Вова в основном был в зыбке. По совету мамы на руки я его брала редко, чтобы не искалечить. В семье уже был случай с Толей. Он в яслях выпал из окна. Няня не посмела сказать об этом маме. У братика начал расти горбик. Великими усилиями мамы и бабушки-повитухи Крутихи горбик вылечили.

Малышу Вове я меняла пеленки, стирала их в корытце, кормила молоком из коровьего рога, жевала хлебушко и давала пососать его в тряпочке. В один из дней Вова долго спал, мы и рады, что не отвлекает нас. Вечером с радостью сообщили маме, что Вова долго спал. Мама глянула на него, да как заревет: «Девки, что будем писать отцу? Вова умер». Вспоминается маленький белый ящик (гробик). Больше до сих пор ничего не помню.

А поздней осенью того же года для мамы и нас был страшный удар. Умер наш исполнительный Толик. Его очень любили родня и соседи. В дождливый день он вел Нину из ясель. Он снял верхнюю одежду с себя и надел на Нину. То ли дождь, то ли ветер простудил Толю. Он заболел воспалением легких. Толя лечился в больнице села Горки, но не поправлялся. В последнюю ночь его жизни мама была там. Мы остались под присмотром соседки бабы Дарьи. Утром из окошка в окошко мы смотрели маму. Бежит наша мама, открывает двери опять с ревом: «Девки, Толя умер. Что будем писать отцу?». Ни мамина помощь, ни помощь врача Абрама Гавриловича не поставили брата на ноги. Помню, лежал Толя на скамейке, я его очень боялась. Папе о смерти сына мы не сообщили.

Каким был ваш распорядок дня?

Утром нас мама будила очень рано в 5-6 часов утра. До сих пор все мои прожитые 87 лет живу по этому режиму.

Мама топила печь, доила корову, а я в основном провожала скотину на выгон: корову, телят, овец, гусей, кур. Больше всего мне доставалось от гуся. Мама добром и худом заставляла работать, а как хотелось поиграть с подружками. С Соней мы вообще не играли. Я выполняла ее задания, но было и непослушание. Провожу овец, да и забегу к подружке, а бабушка Варвара по-доброму гонит домой. Соня однажды пожаловалась маме. Мама посадила писать папе. Я спрашиваю: «Что писать?». Пиши: «Я не слушаю маму». Сажу плачу. Сердце мамы, наверное, сжалось. «Еще будешь делать так?». «Нет» - отвечаю. Мы маму боялись послушаться.

Какие трудности ты испытала?

Чтобы как-то прокормиться, мама давала нам «норму». Огород был 20 соток. Летом полоть, поливать. Осенью копать. Весь сентябрь копали, а мама ночью убирала с огорода. С детства выполняла работу, о которой многие не имеют понятия. Помогала выделывать кожу, прядла шерсть, вязала чулки, варежки, даже одни варежки связала для посылки на фронт, да ошиблась – на одну руку. Для посылок заготавливали табак-самосад, шили кисеты, материал для подворотничков, парёнки морковные, свекольные, брюквенные, сухари в первое время, а потом муки не было. Муку заменил картофельный крахмал, с которым очень много работы: натереть, не раз промыть, высушить, истолочь, просеять.

С радостью ждали весну. С появления крапивы и до осени был «подножный» корм. Суп из крапивы, листья свеклы, капусты. За войну, наверное, почти всю лебеду, медуницу, кислицу съели. В Иванов день, впервые, отправлялись за земляникой. После Ильина дня, 2 августа, можно было помаленьку дергать овощи. В лес за ягодами бегали веселой гурьбой, пустые чашки пинали, а на обратном пути чашками менялись, чтобы не съесть чужие.

Но страшный голод мы не испытывали, потому что у нашей мамы, трудоголика до последнего вздоха, была животины. У ленивых скот дох.

Холод тоже не мед. Для заготовки дров лошадь ждали по очереди. Я, десятилетней, начала потихоньку пилить лучковой пилой. Не было ни мыла, ни керосина, ни спичек. Были случаи, когда мама ходила за горячими углями

для растопки к соседям. Иногда вместо мыла пользовались глиной, кирпичной сыпью, песком. Из золы делали щелок, ей же чистили посуду.

С первых дней войны я помогала работать в колхозе. Мама окучивает, а я по силенкам поля, таскает воду – поливаю, копает – собираю, жнет серпом – помогаю собирать снопы, а потом снопы подношу к суслонам. Крючили (убирали) горох. Она косой, а я серпом. Иной раз и пальчик прихватишь, пососеешь, уймешь кровь и дальше.

После занятий всем классом с учителем Верой Михайловной шли в поле собирать колоски. Надо было собрать 10 ведер государству, 11-е ведро домой. Эта радость была не долгой, т. к. урожаи были низки. Работали старательно, с огромным желанием, спешили больше собрать.

Каковы были школьные годы? Первый класс пришелся на начало войны. Расскажи, пожалуйста.

В сентябре 1941 года я пошла в первый класс. Никакой подготовки к учебному году не было. После звонка, который подавал сам учитель, нас разношерстных по росту, по возрасту, по одежке завела в классную комнату молоденькая, красивая учительница небольшого роста с длинными косами, Вера Михайловна. Мне она очень понравилась. Как я училась в первом классе, почти ничего не помню. Я была самая маленькая и, наверное, младшенькая в классе. Помню палочки, большие счеты, классную доску, карту, по которой я показывала что-то с табуретки. Училась всегда с желанием. Я решила с 1-го класса: «Буду учительницей». С большими трудностями я исполнила свое желание.

В военное время учиться было трудно во всех отношениях. С наступлением заморозков в школе было холодно. Учились в верхней одежде, чернила приходилось отогревать. Когда исчезали чернила, их делали из свекольного сока. Грифель заменял мел. Писали на газетах, стареньких книгах между строк. Учитель работал с двумя классами: 1 и 3; 2 и 4. Заданий домой почти не задавали. После уроков помогали принести дров в класс, чтобы на завтра отогреть руки. В теплое время года перемены проводили на улице. Играли в подвижные игры. Несмотря на сложности учебного года, в четвертом классе экзамены. Диктант, математика, устно: история, география, естествознание. Оценки: отлично, хорошо, посредственно, плохо, очень плохо.

Как поддерживалась связь с миром?

Время шло. В деревне не было радио, на все село один телефон. О событиях на фронте узнавали из писем солдат. Письма не приходили по полгода. С большой радостью и испугом ждала каждая семья и вся деревня известий от родного человека. Читали письма семьями, а если похоронка – бежали, старались хоть как-то помочь семье погибшего. Так же всей деревней встречали раненных, немощных солдат.

А как сложилась воинская судьба дедушки?

Папа сразу же попадает на Западный фронт в стрелковый полк 863. Много раз папа был ранен. Последний раз был тяжело ранен 6 февраля 1942года. С полгода, наверное, мама волновалась, не зная жив ли папа, не замерз ли до смерти, сыт ли. Когда узнала, что папа в госпитале, стала спокойнее. Мы то не знали о его серьезном ранении. В своих письмах он даже испытывал маму вопросами о принятии его, то без руки, то без ноги. А мама отвечала: «Приму любого». Только нам и говорила: «Пусть хоть какой, лишь бы поправился, вы хоть будете не одни». Папа пролежал в госпитале с 06.02.1942г. по11.11.1943г.

Мама, расскажи о встрече дедушки.

И вот настал этот долгожданный день – возвращение папы. Картина встречи перед глазами, даже помню погоду. Ранним холодным утром (сплошного снежного покрова не было) на телеге с постельными теплыми вещами мама отправилась одна в поселок Красногвардейский. Железнодорожная станция «Талый Ключ» находилась в этом поселке. Нас оставила с самыми надежными соседями, с бабушкой Варварой и дедом Николаем. Они помогли маме организовать какой-то стол, надо было приготовить лампу, где-то добыть керосин. Все утомились ждать, волновались за маму. Возвращения папы ждали многие. Уже настали сумерки, и вдруг крик: «Едут! Встречайте!». Стук в двери, а может и звук костылей. Широко открываются двери: «Можно?»- говорит папа. А я как зареву: «Не мой папка!». Меня, наверное, подталкивают, а я боюсь, не иду. Человек не узнаваем. Ему помогают мама и незнакомая женщина. Это сопровождающая медсестра из Новосибирского госпиталя, узнали позже мы. Папин портрет: страшенький, худой, обросший, в большущей старой шинели, больших сапогах, с костылями. Я долго не могла его принять, боялась, а мама успокаивала: «Девки, радуйтесь, вы будете не одни, у меня меньше будет сердце болеть за вас». Думаю, ночи две медсестра ночевала. Уехала. Вот тут-то начались трудности. Почти зима, а дома больной немощный человек. Спасибо, голова и руки на месте, а так малыш. Помочь

подняться, умыться, на ведро сходить, вынести, поднести, унести, обуть, одеть. Возвращаясь из школы, я терпеливо выполняла эти обязанности. Нина была маленькая, а Соня училась в другом селе Стриганское. С болячками работала мама. Самое-самое трудное было для меня его обуть. Правильно работать с обмотками, надеть сапог на ногу так, чтоб ноге удобно. У меня не получается, он нервничает. Я плачу, думаю: «Вот ударит костылем». Но не было такого. А после мама где-то достала мягкой бумазеи, сделала портянки. До конца своей жизни папа ежедневно в любое время года ходил в портянках и сапогах. И так шла наша жизнь. Потихоньку привыкали. Я помогала папе, а он учил меня жизни. Уход, еда, чистота помогли ему за полгода стать почти самостоятельным. Однажды по ранней весне прихожу из школы, а папы нет. Испугалась, пошла искать. По следам от костылей нашла его. Удивился папа, что нашла, и поинтересовался, как мне это удалось. Я и ответила.

«Всё!»-сказала мама. Больше о войне вспоминать не могу. У обеих накатились слезы. Наша беседа подошла к концу.

Я горжусь мамой, и не перестаю удивляться стойкости и силе духа, дисциплинированности, теплоте, доброте, заботе, общительности, любви ко всем, которые исходят от этой маленькой, хрупкой, милой старушки. Оставаясь верной своей любимой профессии учителя, она с большим интересом следит за современной детской литературой. Читает книги отечественных и зарубежных авторов: О. Колпаковой, О. Громовой, В. Ледерман, Д. Сабитовой, Д. Доцук, Т. Михеевой, Н. Дашевской, Ж. Пари, А. Торр, К. Нестлингер и др.

Мамочка, я очень сильно люблю тебя!

